Антон Смолькин

Уважение к старости: социологическая концептуализация

Anton Smol'kin. Respect to the Old Age: Sociological Conceptualisation

In this article respect towards old age is considered as one of the central problems of sociology of aging. It is claimed that demographic understanding of aging should be declined because it's the main barrier for integration of old age problems into social theory. The author suggests to look for a new definition of an old age on the intersection of two notions: age dysfunctionality and life experience/authority. Being a non autonomous condition in society old age becomes possible only within the network of recognition. Respect has a constitutive meaning for an old age as a consequence. On the basis of Kant and Darwall ideas the author describes two kinds of group respect — «compensation recognition respect» (addressed to groups, considered as needy for support; it's connected with age disfunctionality) and «group appraisal respect» (addressed to groups «deserving» additional respect, i.e. to groups to whom we are morally indebted. It's connected with life experience/authority).

Keywords: respect, recognition, old age, intergeneration contract, elderly people

Загадка старости

Толкотт Парсонс в одной из своих последних статей, написанной незадолго до смерти, предваряет изложение новых идей любопытным аргументом, легитимирующим последующие высказывания: «Далее я собираюсь остановиться на своих последних разработках, возможно, столь предварительного, незаконченного характера, что их не стоило бы пока публиковать. Но, надеюсь, мне позволительно воспользоваться привилегией престарелого ученого и высказаться безотлагательно» [Парсонс 2002, с. 56] (в оригинале интонация чуть более ироничная: «However, perhaps it is permissible to invoke the privilege of an elderly social scientist» [Parsons 1979/80, P. 13]).

Anton Smol'kin — vice dean of Faculty of Philosophy and Sociology, Institute of social sciences of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. Scientific interests: sociology of old age, microsociology. E-mail: anton.smolkin@gmail.com

Хороший теоретический текст помогает не только решить старые, но и поставить новые вопросы. Задумаемся — о какой особой «привилегии престарелого ученого» говорил Парсонс? Мы не найдем этого термина в словарях или законодательных актах, и хотя в первом приближении кажется, что его содержание и логика применения интуитивно понятны, при дальнейшем рассмотрении возникает устойчивое ощущение двусмысленности.

С одной стороны, Парсонс ссылается на свой возраст, подразумевая состояние здоровья, в том смысле, что времени на высказывания у него осталось меньше, чем у других (и действительно, до публикации статьи он уже не дожил) — т.е. в пределе это просьба о снисхождении к *несовершенству* результатов его интеллектуальных усилий[1]. Одновременно живой классик подразумевает, что имеет право на особое внимание в силу своего авторитета/статуса, хотя и деликатно маскирует его, вписывая себя в группу престарелых[2] ученых (оригинальной цитируемой фразе на русском может соответствовать что-то вроде «да позволено будет высказаться старому опытному социологу») и говорит уже как «один из них». Иными словами, Парсонс намекает, что к тексту следует отнестись внимательно уже потому, что он написан одним из крупнейших теоретиков своего времени, что по определению делает излагаемые идеи *значимыми*.

В обоих случаях Парсонс ожидает *уважения* к себе как к «престарелому ученому», но на разных, практически противоположных основаниях. Эта двойственность, если не сказать противоречие аргумента-к-возрасту и составляет предмет моего интереса в данном тексте.

Я намереваюсь наметить перспективы нового, социологического ответа на вопрос, что такое старость, указать на эволюционную специфику ее возникновения, дать типологию уважения к старости и постараться объяснить, почему этот вопрос, возможно, недооценивается во многих исследованиях.

---

1 Отчасти привилегия, о которой говорит Парсонс, связана с теми проблемами позднего возраста, которые способствуют возникновению негативных стереотипов и дискриминации. Если бы мы говорили о подобной привилегии женщины-ученого или ученого нетрадиционной сексуальной ориентации, ученого-представителя национального меньшинства, ученого-инвалида и т. п., то это подразумевало бы высказывание от лица жертв институализированного насилия, обобщенный голос тех, кто обычно молчит, потому что не имеет власти. Однако такое осмысление жестко бы определило дискурсивную рамку, связав привилегию и дискриминацию. Из всех дискриминируемых групп только привилегия, даваемая старости, может подразумевать в первую очередь нечто иное.

2 Этот ход апеллирует к распространенному способу аргументации — назвать себя старым, чтобы добавить авторитета высказываниям [Jones, 2006, p. 89].

Признание и социологическая концептуализация уважения

В самом общем виде мы можем определить уважение как статусную форму признания, выражаемую в наборе действий (или в отказе от некоторых действий), соответствующих статусу объекта уважения, который он сам принимает. Уважению, таким образом, предшествует признание, которое в данном случае есть признание именно тем, кем ты хочешь считаться[1].

Мы можем различить символическое (когда значение объекта является результатом социального конструирования — подробнее речь об уважении, построенном на этом виде признания, пойдет в следующих разделах) и инструментальное признание, которое носит вынужденный характер[2]. Иными словами, инструментальное признание обязательно предполагает наличие некоторой характеристики, с которой придется считаться независимо от культурного контекста. Старение в этом смысле, как мы увидим далее, можно понимать как постепенную утрату возможностей добиваться инструментального признания.

Однако прежде необходимо определить, что такое старость.

Что такое старость?

Я полагаю, что определения старости, используемые в социальных науках, по большей части неудовлетворительны, так как не раскрывают его сущностных характеристик[3]. В большинстве случаев авторы и вовсе ограничиваются указанием на возраст, видимо, имплицит-

1 Я опускаю все прочие варианты признания как усложняющие основной сюжет, а потому нуждающиеся в отдельном рассмотрении, вторичном данному.

2 Любопытно, что респонденты в моих исследованиях, говоря об исчезновении уважения к старости, отсылают в своих воспоминаниях не к конкретному периоду, а скорее ко времени, когда им самим было 12–14 лет. Далее с ними и их сверстниками, кажется, происходит то, что лучше всего схватывается выражением «потерял страх». До этого момента инструментальное и символическое признание работают совместно (хотя точнее говорить, что символическое признание тоже навязывается почти инструментально, но уже обществом в целом), но когда инструментальное признание перестает работать (это хорошо иллюстрируется формулой «боится — значит, уважает»), символическое оказывается недостаточно эффективным или неэффективным вовсе. Лишь когда полноценная социализация завершается, уважение восстанавливается.

3 Нетрудоспособность по возрасту, — кажется, исчерпывающее *экономическое* определение старости, а пенсионеры, продолжающие работать, — издержки

но полагая, что старость есть нечто самоочевидное. Однако утверждать в социологической работе, что старость — это «то, что после 60» все равно, что говорить, что посуда — это то, что хранится на кухне в шкафу. Это отсылает нас к формальным или остенсивным определениям — но не к содержательным. Именно здесь старость *и с точки зрения определений* начинает напоминать известное сравнение с «третьим миром» [Бодрийяр 2000, с. 290]. В итоге мы имеем не понятие, а скорее указатель на еще не картографированные и не описанные территории; в этом фокусе долгожители приобретают тот же статус и внимание, что и колониальные экзотические редкости, и т. п.

Возрастная периодизация работает примерно в той же логике, что и территориальное деление, и если для детства она еще оказывается эффективной[1], то в случае старости теряет свой предсказательный потенциал. Свидетельство этому — отсутствие понятия физиологической нормы для поздних возрастов [Хрисанфова 1998, с. 53]; иными словами, хронологический возраст в старости окончательно перестает что-либо объяснять. Социальных геронтологов, регулярно упрекающих врачей в *медикализации* старения, впору самих обвинить в его *демографизации*.

Старость, таким образом, оказывается не интегрированной в социальную теорию — она «просто есть», а значимость теоретической проработки понятия заменяется актуальностью проблемы в условиях глобального постарения населения.

Я полагаю, мы можем собрать новое, более адекватное определение старости из двух концептов — связанной с возрастом дисфункциональности[2] и жизненного опыта/заслуг как в первую очередь поколенческой[3] характеристики. Принципиально важно здесь соприсутствие обоих элементов. Пожилые ровесники друг

формальной границы установления нетрудоспособности. Привычный для социологов термин «третий возраст» имеет в целом близкородственный смысл.

1 Для детства степени «функциональности» в целом все же соответствует хронологическим периодам, а различиями обычно пренебрегают из-за их незначительности, индивидуализированных настроек заботы/воспитания внутри семей, самим фактом того, что дети не являются полноценными акторами социальной системы, будучи ограниченными в правах и обязанностях, и т. п.

2 Понимая ее шире, чем нетрудоспособность (в современном мире понятия нетрудоспособности и несамостоятельности уже не могут осмысляться как одномерные и непременно следующие друг за другом [Смолькин 2012]), и признавая ее в первую очередь культурную, а не физиологическую обусловленность [Смолькин 2007], вследствие чего она приобретает значительную вариативность и перестает быть самоочевидной.

3 Поколение в данном случае — теоретически нестрогий термин, с помощью которого мы фиксируем возрастные различия менее формальным, но более

относительно друга скорее более или менее дисфункциональны — но не старики. Возраст здесь перестает быть чем-то большим, чем причиной инвалидности. Второй элемент предполагает не только различия в жизненном опыте или мировоззренческих установках (в традиционных обществах они могут быть сведены к минимуму), но и признание выполненного поколенческого контракта. Здесь, однако, важно четко отделять старость от идеи старшинства. Далее я буду говорить о старости именно в этом смысле.

Однако для того чтобы понять некоторые принципиально важные для нас физиологические и социальные особенности старости, мы должны спуститься еще одной ступенью ниже, к самым истокам человеческого.

Как возможна старость? Эволюционная ретроспектива

С точки зрения эволюции старость (точнее будет сказать шире — судьба отдельного организма после завершения периода фертильности и /или заботы о повзрослевших детенышах) не является значимой, а потому в природе практически не встречается даже у общественных животных. В интересующем нас аспекте можно описать постарение у животных как вытеснение особи в пограничную зону между репродуктивной (эволюционно ценной) группой и агрессивной средой. Граница группы у общественных животных в кризисные моменты (которые тут случаются практически ежедневно — при столкновении с хищниками, конкуренции за ресурсы, сопротивлении стихийным бедствиям и т. п.) смещается и проходит уже не между «мы»/окружающий мир, а где-то по периферии эволюционно ценного ядра группы, между «функциональными» (относительно данного конкретного контекста) и «нефункциональными» особями.

Нейробиологические исследования позволяют предположить, что альтруизм оказался эволюционно выгодной адаптацией, развившейся на основе инстинкта заботы о потомстве [Churchland, 2011]. Однако альтруистическое поведение у животных, не направленное на близких родственников и не являющееся реципрокным (взаимным), практически не встречается[1], в то время как ранние

содержательным образом, чем в случае простого указания на хронологический возраст.

1 Пример «чистого» проявления альтруизма у шимпанзе — усыновление детенышей. Такие случаи неизвестны в неволе, однако были неоднократно зафиксированы в природе в группах, обитающих в крайне опасном окружении, причем усыновителями выступали как самки, так и самцы, в том числе и не являющиеся родственниками (по крайней мере прямыми) усы-

homo, занявшие сначала экологическую нишу падальщиков, а потом и наиболее эффективных стайных хищников своего времени, были вынуждены развить весьма высокий уровень групповой поддержки. Относительно скромные размеры и беспомощность в случае отсутствия оружия при нападении хищников могут быть компенсированы только парохиальным альтруизмом и высокой степенью ориентированности на группу.

Следовательно, для существования пожилых особей нужны отношения взаимной поддержки, носящие устойчивый и многоаспектный характер при достаточно высоком контроле над внешними рисками, т. е. определенной автономностью группы относительно среды (что для ранних людей может быть только следствием роста эффективности орудийной деятельности и коллективной охоты). Старость в таком понимании оказывается побочным эффектом (прото)социальной солидарности[1].

Это позволяет нам зафиксировать важную особенность старости — она есть состояние, принципиально *неавтономное* — как *от* общества, так и *внутри* него, требующее устойчивых (прото)социальных отношений и возникающее в ситуации, когда сама группа достаточно автономна относительно среды. В дальнейшем в ходе исторического развития неавтономность старости компенсируется традицией внутрисемейной или общественной поддержки, пенсионными системами или индивидуальными накоплениями, но само состояние неавтономности не исчезает.

Старость становится возможной только в сети признаний. Старость есть живое воплощение социального факта и одновременно свидетельство устойчивости социального, поскольку она вынуждена буквально ежедневно заново обретать опору в актах признания. Отсюда конститутивное значение уважения для старости: акт неуважения ставит под сомнение всю прожитую пожилым человеком жизнь, аннулирует значение инвестированных им усилий в выполнение межпоколенческого контракта. Неуважение в этом слу-

---

новляемого — например, друзья погибших матерей или случайные члены группы [Boesch et al. 2010].

1 Или, если постараться быть более точным, старость – непосредственный эффект непрямого реципрокного парохиального альтруизма (в рамках всей группы) и побочный сильно развитого родственного альтруизма (в рамках семьи), в контексте достаточного амортизационного ресурса относительно среды. Полагаю, такое определение нуждается в развернутой аргументации, что будет сделано в других работах, однако представляется важным подчеркнуть, что социальность является принципиальным, но недостаточным условием старости.

чае либо отказ уплаты «долга» по межпоколенческому контракту, либо отказ такой долг признавать[1].

Другие роли в большинстве своем почти не требуют особых реакций в повседневном контексте, и понять, состоялся ли акт символического признания, как правило, проблематично; чаще всего это бывает понятно только непосредственно в процессе взаимодействия. Кроме того, прочие группы, как правило, меньше нуждаются в актах демонстрации уважения, потому что получают его автоматически, так как оно в их случае скорее инструментальное. Именно поэтому манифестации уважения к другим группам населения встречаются гораздо реже, за некоторыми содержательно родственными исключениями, речь о которых пойдет ниже.

Уважение по Канту

Согласно Канту, каждый человек достоин уважения уже в силу своей принадлежности к человеческому роду; более того, «каждый должен притязать на уважение других» [Кант 1965b, с. 405], то есть исполнить долг уважения к самому себе. Кант оговаривается, что он рассуждает не о том чувстве, «которое возникает из сравнения нашего собственного достоинства с достоинствами других», но лишь проводит нижнюю границу допустимого, так как его интересует базовая этическая, а не коммуникативная/социальная сторона вопроса, и более к другим видам уважения в основной сюжетной линии этого текста не возвращается. Под уважением Кант понимает максиму ограничения нашего самоуважения достоинством человечества в лице другого [с. 389–390]. Долг уважения к другим является, таким образом, негативным долгом [с. 410] — указанием на то, от каких действий следует воздержаться. Речь идет о признании другого через соблюдение границ, *разделение* с ним *человеческого* — неживые объекты, за, возможно, редким исключением для сакральных предметов, такой привилегии лишены. Кант оговаривается и здесь — внутреннее *пренебрежение* к людям в результате сравнения «подчас, правда, неизбежно», но внешнее его выражение недопустимо, так как оскорбительно [с. 405].

Заложенное в долге уважения благоволение, распространяясь на всех, имеет при этом минимальное содержание, так как его носитель «всего лишь не безразличен к данному человеку». Важно отметить, что Кант здесь разделяет интенции (*благоволение*) и действия

1 Я не рассматриваю здесь третий вариант — контекстный отказ оплачивать признаваемый «долг» в форме, ожидаемой гипотетическим адресатом уважения.

(*благодеяние*)[1], снимая этим ходом противоречие с максимы любить ближнего как самого себя [с. 392], — в обязанность вменяется лишь желание добра ближнему, а не сами действия, направленные на это. Однако уважение, реализовавшееся в действиях, уже подразумевает взаимность — Кант говорит о благодарности (*почтении* — т.е. *глубоком* уважении — к лицу, оказавшему благодеяние) как о «*священном* (курсив мой — А. С.) долге, ... нарушение которого может ... уничтожить моральный мотив благодеяния» [с. 396] — иными словами, может привести к эрозии института уважения.

Таким образом, «долг уважения» работает в первую очередь как социальный амортизатор и обеспечивает базовое минимально необходимое уважение (взаимное символическое признание) в обществе. В этом смысле уважение у Канта — термин с тем же охватом/значением, что и понятие социальной солидарности Дюркгейма или необходимый минимум социального капитала макроуровня у Фукуямы или последователей Бурдье.

Кант делит обязанности людей по отношению друг к другу на долг уважения («долг обязательства»), соблюдением которого «я обязываю исключительно самого себя, — я удерживаю себя в соответствующих рамках, дабы ничего не отнять у другого от того достоинства, которое он как человек вправе сам себе придать» [с. 390] (такая формулировка не подразумевает, что долг уважения *не* действует как взаимный — напротив, он ожидается от всех и ко всем людям, однако источник легитимности такого ожидания не во взаимности), и долг любви (своим фактом *обязывающий другого* к ответным действиям; «долг, ставящийся в заслугу»). Долг любви у Канта — довольно неконкретное понятие; поскольку он не считает его распространяющейся на всех этической обязанностью, никаких определенных форм его реализации здесь не предписывается; невозможно даже сказать, будет ли он, выраженный в действиях, например, чем-то принципиально отличаться для внешнего наблюдателя от благодеяния, реализующейся формы долга уважения.

Кант называет долг любви именно долгом из идеальных этических соображений (полагая, видимо, что долг любви должен исполняться лишь по отношению к достойным такового, что определяется индивидуально и контекстно; причины любви Канта здесь не интересуют, поэтому мы не можем соотнести этот концепт Канта с «оценочным уважением» по Даруэллу — см. ниже), хотя в его логике он необязателен: «забвением долга любви ни одному человеку не наносится оскорбления, но неисполнение долга уважения есть

1 В качестве иллюстрации можно сказать, что, например, участники ситуации «гражданского невнима-ния» по Гофману остаются в границах кантианского уважения в его пассивном варианте (благоволение), а, предпринимая меры по сохранению лица другого - уже в активном (благодеяние).

порок, так как тут ущемляется законное притязание человека» [с. 407].

Даруэлл и два полюса уважения

Развивая идеи Канта, Даруэлл исходит из того, что уважение человека как такового — вопрос не конвенционального соглашения, а моральных обязательств, некая минимально необходимая основа для дальнейших совместных действий. В терминологии Даруэлла это называется *уважением признания* (*recognition respect*), то есть придание надлежащего значения тому факту, что этот объект — человек, и фактически соответствует кантианскому *долгу уважения.* Однако следующим ходом он обозначает другой полюс проблемы: в отличие от уважения признания, *оценочное уважение* (*appraisal respect*), по Даруэллу, применяется к людям, достойным отдельной положительной оценки вследствие того, что они обладают значимыми характеристиками, возникшими в результате их *собственных* усилий [Darwall 1977, p. 38–39]; оно не предполагает действий, а «состоит непосредственно в оценке» [p. 39], связанной с характером оцениваемого. Он приводит следующий пример: если кто-то способен совершить некий достойный восхищения подвиг только благодаря росту — ни сам подвиг, ни человек не станут объектом оценочного уважения, так же, как нельзя уважать муравья за способность переносить объекты гораздо тяжелее его самого, хотя этим и можно восхититься [p. 42].

Пользуясь категориями Канта/Даруэлла, мы можем выделить два полюса уважения — уважение признания как минимально необходимое уважение к *человеку вообще* и оценочное уважение как ответ на специфическую *индивидуальную* особенность. Однако здесь сопоставляются две принципиально различные ситуации: предельно анонимный случай (достаточно лишь классифицировать некий объект как человека) и, напротив, конкретный вариант длительного/близкого знакомства, предполагающий достаточно детальное знание биографии и /или прочих характеристик партнера. Это не социологическая оптика/логика, пригодная скорее для описания/оценивания личностей, но не статусов. В действительности же между этими полюсами расположены целые континенты различных видов уважения. Нельзя, например, сказать, что в повседневной жизни мы используем оценочное уважение исключительно к самому близкому кругу общения, а прочих людей воспринимаем абсолютно недифференцированно — скорее благодаря использованию жизненного опыта, стереотипов и обобщенного доверия мы пользуемся разнообразными гибридными вариантами уважения.

Поскольку нас интересует отношение к старости *вообще*, принципиально важен инструментарий анализа обезличенных ситуаций, возникающих в рамках вторичных групп. (Именно поэтому изучение отношения к старости должно начинаться с исследования взаимодействий в публичных местах, например, общественном транспорте [Смолькин 2014].)

Компенсационное уважение признания и групповое оценочное уважение

Итак, формы уважения к *группе* и/или *ее анонимному представителю* не могут быть сведены ни к первому виду (который вообще не подразумевает различия в уважении к разным людям), ни ко второму, предполагающему индивидуальное отношение. В ситуации личного знакомства уважение неизбежно будет связано с конкретными характеристиками человека, по отношению к которому проявляется уважение, поэтому, во-первых, не будет возможности определить специфическое уважение к нему как представителю определенной группы, и, во-вторых, стереотипные искажения едва ли будут значительными и в любом случае индивидуальными, не дающими возможности определить закономерности таких трансформаций.

Следовательно, мы нуждаемся в том, чтобы, помня о проблематичности практических последствий реализации *уважения признания* в равной ко всем степени (например, невмешательство в действия ребенка или ментально нездорового человека грозит обернуться «преступной халатностью») и осознавая сложности и ограничения перевода оценочного уважения в анонимные формы (уже в силу того, что уважение это построено на оценке *индивидуального характера*), отыскать в общем корпусе уважения, внешние границы которого заданы Кантом/Даруэллом, границы внутренние, пригодные для построения моделей различных типов уважения в социальной теории.

Эти дополнительно необходимые виды уважения можно определить как «*компенсационное уважение признания*» и «*групповое оценочное уважение*», то есть такие, которые классифицируют объект не просто как человека, но человека, в силу тех или иных причин требующего особого отношения, которое при этом может быть связано (в первом случае) с его с жизненными обстоятельствами в самом широком смысле слова (причем, как правило, являющимися не столько результатом сознательного выбора, сколько стечением обстоятельств), или (во втором) — с особыми групповыми характеристиками.

Это две принципиально разные модели.

1. *Компенсационное уважение признания* предполагает выделение группы «*нуждающихся в дополнительном уважении*» и нередко требует активных форм проявления или демонстрации готовности к такого

рода активности. В нее в зависимости от контекста могут входить представители нескольких визуально определяемых групп, как на временной (больные, дети), так и на постоянной основе (инвалиды, пожилые, иногда даже женщины) — то есть те группы, которые с теми или иными основаниями в определенных ситуациях считаются требующими дополнительной поддержки или внимания. Следует отметить, что пожилые люди по целому ряду характерных признаков – одна из наиболее очевидных для определения групп [Jones 2006, p. 81].

В первом приближении может показаться, что уважение (которое, как мы помним, связано с особым статусом объекта) в данном случае — неточный термин, так как речь идет скорее о *компенсационном признании*, своего рода социальном протезировании. Однако подлинная причина необходимости компенсационных действий — уважение к самой идее человеческого достоинства. Уважение адресуется именно к человеку как символической ценности, практически независимо от личных качеств, поэтому оно может прилагаться и описываться в той же логике и, например, к предметам, имеющим символическое/сакральное значение.

Радикальный пример этого типа уважения — умирающие; *человеческое* на грани исчезновения требует отнестись к такой ситуации с максимальным вниманием и деликатностью. Здесь следует отметить, что сужение физических возможностей пожилых людей (в отличие от большинства прочих подгрупп данной категории) — прогрессирующее, и старость в известном смысле всегда граничит со смертью или необратимой травмой, что является одним из дополнительных ресурсов как уважения, так и особых форм сдержанности/предупредительности, отказ от которых грозит обернуться ситуациями, родственными «оставлению в опасности».

Характерно, что оборотная сторона потребности в этом специфическом виде уважения заключается в том, что юридическая ответственность для некоторых из этих групп (и едва ли не в первую очередь это относится к пожилым людям) имеет ограничения, не в последнюю очередь связанные с тем, что, например, тюремное заключение может оказаться слишком опасным для их здоровья.

В той же логике правилами хорошего тона рекомендуется не замечать неловких ситуаций и даже оказывать активную помощь в сохранении лица; в противном случае вы можете быть обвинены — если рассматривать это с позиций «особой ценности человеческого», в «оставлении достоинства в опасности».

Компенсационное действие, как протез, по-настоящему функционально в тех случаях, когда выглядит естественно, незаметно и не вызывает дискомфорта. Кант, описывая родственную ситуацию, указывает на этическую необходимость деликатного вмешательства и приводит следующий пример — благодеяние по отношению к бед-

няку ставит зависимость его блага от великодушия помогающего, а потому долг последнего — избавить его от унижения помощью, представив свои действия либо как исполнение обязанности, либо как незначительную любезность, сохраняя его уважение к самому себе [с. 388–389, 394]. Необходимость компенсационных действий не всегда удается обнаружить — например, по наблюдениям американских геронтологов, если в специализированных заведениях пожилому человеку тяжело самому, например, порезать мясо, чувство собственного достоинства скорее вынудит его сказать, что он не голоден, нежели попросить помощи [Oliveira 1984, p. 128].

Содержание этого вида уважения можно описать следующим образом — зафиксировав потенциального представителя этой группы в ситуации, *контекст*[1] которой предполагает для него некоторые риски/сложности, возникшие, по всей видимости[2], не по его вине (то есть, например, в зависимости от интерпретации/вменения индивидуальной ответственности за обстоятельства эта модель оставляет известную свободу выбора отношения к пьяным, неряшливым и т. п. — и даже более того — к алкоголикам, наркоманам, преступникам), следует соответствующим образом скорректировать линию своего поведения (подать руку, подвинуться, уступить место, обратить особое внимание и т. п.).

2. Второй вид, «*групповое оценочное уважение*» — уважение к группе/ее представителю как следствие признания групповых заслуг. Речь здесь идет о предках, ветеранах войн, представителях «героических» профессий[3] — иными словами, о людях, перед которыми мы имеем основания считать себя в (*моральном*) долгу или кем культура предписывает нам восхищаться. Их можно определить как «*заслуживающие дополнительного уважения*».

Остается, впрочем, неясным, как именно мы должны квалифицировать представителей группы, оказавшихся в «героической ситуации», что в действительности *не являлось* их личным выбором (и, следовательно, не могут быть истолкованы как связанные

1 Принципиальной здесь является контекстность требований, от которой целиком зависит, нуждается ли данный индивид в компенсационном уважении. Это отсылает нас к идее функциональности. Более того, несложно представить контексты, в которых адресат и адресант этого вида уважения поменяются местами.

2 Как именно определяется это «по всей видимости», может быть конкретизировано через индекс социального доверия — чем он выше, тем больше расположенности к человеку в тяжелой локальной ситуации.

3 При желании модель можно усложнить, включив сюда в случае российской действительности «социально необходимые, но низкооплачиваемые» профессии (врачи, учителя), и т. п.

с особыми чертами характера), например, работники тыла в годы Великой Отечественной войны, узники концлагерей и т. п. — а потому технически должны скорее описываться как люди-в-особых-обстоятельствах. Даруэлл не поднимает этого вопроса, хотя он ближе именно к индивидуалистической, чем социологической фокусировке на проблеме. Видимо, на уровне группового признания этой разницей вообще можно пренебречь, однако следует зафиксировать, что пожилые люди относятся скорее как раз к этой подгруппе.

Этот вид уважения — социологически переинтерпретированное оценочное уважение по Даруэллу, которое может быть обнаружено в отношение ко многим группам как «уважение к характеру». Так, чтобы стать военным или космонавтом, необходимо соответствовать определенным волевым качествам, и т. п., но индивид в данном случае оценивается исходя из характеристик всей группы, в той же логике, в какой действуют стереотипы. Данный вид уважения ближе всего к логике групповой благодарности либо за уже совершенное действие, либо за готовность такое совершить.

Кант делает по этому поводу любопытную оговорку, хотя и никак не встраивает сюжет в общую линию своих рассуждений. Именно в логике *возвращаемого долга* может быть понята позиция Канта по вопросам отношения к пожилым людям: благодарность «охватывает не только современников, но и предков ... по этой причине считается неприличным не защищать ... от всяких нападок, обвинений и пренебрежения стариков, *которых можно рассматривать как наших учителей* (курсив мой — А. С.); но при этом глупой иллюзией было бы приписывать им только за то, что они старше, преимущество в таланте и доброй воле перед молодым поколением»[1] [с. 397]. В другом месте он пишет: «Даже благодарность за долголетнюю работу старой лошади или за длительную службу собаки (как если бы они были членами семьи) есть косвенно долг человека, а именно в отношении этих животных, но непосредственно она есть долг человека перед самим собой» [с. 382].

Это можно понять как передачу эстафеты уважения от поколения к поколению — ключевой элемент поколенческого контракта, возвращение долга старикам и одалживание детям. Здесь появляется перспектива вовлечения в анализ значимого ресурса — теории дара. Пенсионная (и подобные ей менее институциализированные системы) может быть рассмотрена в логике теории дара, где вместо

1 Обратим внимание: в этом пассаже о пожилых людях неясно, о каком именно долге идет речь — о долге ли уважения или об ответном (то есть уже обязательном) акте долга любви. Собственно именно подобные двусмысленности и делают возможным данный текст.

дарителя и одариваемого — возрастные группы. Будучи сакрализованной, такая модель представляет современность как дар предков.

Специфика функционирования ситуаций, требующих группового оценочного уважения, заключена в следующем: во-первых, необходимость идентификации партнера по ситуации в качестве члена группы, обычно через определенные статусные знаки или иные характеристики (так как визуально они опознаваемы хуже или не опознаваемы вовсе, в отличие от адресатов первого вида уважения), и, во-вторых, более широкий диапазон возможного отношения к представителю данной группы, обусловленного как культурно-исторической ситуацией, так и большей его индивидуализированностью и меньшей обязательностью (как и долг любви у Канта), к тому же не требующее непременных действий (как и оценочное уважение у Даруэлла).

Именно пожилые люди оказываются особенной группой-адресатом уважения, пребывающей сразу в обеих возможных классификациях – и как объект потенциальной помощи, и как объект благодарности, своего рода живой памятник. Важно оговориться, что и акты уважения, и действия по компенсации статуса для внешнего наблюдателя могут выглядеть одинаково. Противоречие этих позиций создает специфическое напряжение в статусе пожилого человека в современном обществе. Можно утверждать, что компенсационное уважение признания (отсылающее нас к идее дисфункциональности) преобладает в отношении к старости в западных обществах, а групповое оценочное уважение (связанное с признанием авторитета/жизненного опыта) характерно в первую очередь для стран/культур с традиционным укладом жизни [Смолькин 2010].

Заключение

Отношение к старости — элемент коллективной идентичности, отрицать значимость которого практически невозможно без угрозы для целостности сообщества. Старость оказывается в одном ряду со «светским священным» (как аналогом ценностей религиозного порядка) — любовью к Родине, вниманием к собственной истории, почитанием предков и их подвигов, иными словами, с неким набором «объединяющих» моральных ценностей, «корней сообщества». В выбранном формате анализа она оказывается ближе к священным реликвиям, чем к людям. Старость может быть метафорически описана как музей, ценность которого все признают, но мало кто туда ходит, а высказывания о необходимости уважения к старости оказываются рассуждениями того же порядка, что и речи в защиту экологии, признаваемые всеми в целом, но редко реализуемые в частности (почти зеркальный пример «трагедии общин» [Hardin 1968]).

Одна из ключевых проблем здесь как раз практическая реализация

норм уважения (которые в различных культурах могут быть весьма разнообразны [Silverman, Maxwell 1978] – и соответственно по-разному трансформироваться под одинаковым внешним влиянием), так как символически значимое оказывается воплощенным в конкретных людях, не всегда соответствующих идеальным представлениям, или, по крайней мере, имеющих свои несимволические потребности. Данная работа, выделяя два базовых типа уважения и обосновывая его особенную важность для исследуемого этапа жизни, может служить теоретической рамкой для эмпирического исследования практик отношения к пожилым людям.

Следует подчеркнуть, что данную работу не следует понимать как законченную объяснительную модель, но лишь как пролог к необходимым работам по теоретическому описанию старости с точки зрения социологии, разметку наиболее непрозрачных зон данной проблемы.

Библиография

Бодрийяр Ж. (2000) Символический обмен и смерть. Пер. с франц. М.: Добросвет.

Кант И. (1965) Метафизика нравов. *Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4. Ч. 2.* М.: 107–438.

Парсонс Т. (2002) О теории и метатеории. *Теоретическая социология: Антология.* В 2 ч. Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет»: 43-59.

Смолькин А. А. (2007) Медицинский дискурс в конструировании образа старости. *Журнал социологии и социальной антропологии,* 10 (2): 134–141.

Смолькин А. А. (2010) Трансформации уважительного отношения к пожилым людям у (им) мигрантов. *Социологический журнал,* (4): 66–91.

Смолькин А. А. (2012) Навыки владения современными компьютерными технологиями у представителей старших возрастных групп как условие их успешной социально-экономической интеграции. *Социология власти,* (6-7): 115–136.

Смолькин А. А. (2014) Маленький переполох в большом трамвае: микросоциологический анализ ситуации «уступить/не уступить пожилому человеку место в общественном транспорте», *Социология власти*. (2): 65–103.

Boesch C., Bole´ C., Eckhardt N., Boesch H. (2010) Altruism in Forest Chimpanzees: The Case of Adoption. PLoS ONE, 5 (1).

Churchland P. S. (2011) *Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality.* Princeton University Press.

Darwall S. L. (1977) Two Kinds of Respect. *Ethics*, 88 (1): 36–49.

Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. Science, 162 (3859): 1243–1248.

Jones R. L. (2006) 'Older people' talking as if they are not older people: positioning theory as an explanation. *Journal of Aging Studies,* 20 (1).

Oliveira O. H. (1984) The Gerontologist in the Wonderland of Aging: Alice comes of

age, *Journal of Applied Gerontology*. 3 (2).

Parsons T. (1979/80) On theory and metatheory. *Humboldt journal of social relations*. 7 (1). Fall/Winter.

Silverman P., Maxwell R.J. (1978) How Do I Respect Thee? Let Me Count The Ways: Deference Towards Elderly Men and Women. Behavior Science Research. 13(2): 91-108.

References

Bodriiiar Zh. (2000) *Simvolicheski obmen i smert' [Symbolic exchange and Death].* Per. s frants. M.: Dobrosvet.

Boesch C., Bole´ C., Eckhardt N., Boesch H. (2010) Altruism in Forest Chimpanzees: The Case of Adoption. *PLoS ONE*. 5(1).

Churchland P. S. (2011) *Braintrust: What Neuroscience Tells Us about Morality*. Princeton University Press.

Darwall S. L. (1977) Two Kinds of Respect. *Ethics*. 88 (1): 36–49.

Hardin G. (1968) The Tragedy of the Commons. *Science*. 162 (3859): 1243–1248.

Jones R. L. (2006) 'Older people' talking as if they are not older people: positioning theory as an explanation. *Journal of Aging Studies*. 20 (1).

Kant I. (1965) Metafizika nravov [Metaphysic of Morals]. *Kant. Soch. v 6 tt.* T. 4. Ch. 2. M.: 107–438.

Oliveira O. H. (1984) The Gerontologist in the Wonderland of Aging: Alice comes of age. *Journal of Applied Gerontology*. 3 (2).

Parsons T. (1979/80) On theory and metatheory. *Humboldt journal of social relations*. 7 (1). Fall/Winter.

Silverman P., Maxwell R.J. (1978) How Do I Respect Thee? Let Me Count The Ways: Deference Towards Elderly Men and Women. Behavior Science Research. 13(2): 91-108.

Smol'kin A. A. (2007) Meditsinskii diskurs v konstruirovanii obraza starosti [Medical discourse in construction of image of old age]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 10 (2): 134–141.

Smol'kin A. A. (2010) Transformatsii uvazhitel'nogo otnosheniia k pozhilym liudiam u (im) migrantov. *Sotsiologicheskii zhurnal [Journal of Sociology]*. (4): 66–91.

Smol'kin A. A. (2012) Navyki vladeniia sovremennymi komp'iuternymi tekhnologiiami u predstavitelei starshikh vozrastnykh grupp kak uslovie ikh uspeshnoi sotsial'no-ekonomicheskoi integratsii [Modern day computer technology skills of elderly people as a condition of their successful social and economic integration]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of power]*. (6-7): 115–136.

Smol'kin A. A. (2014) Malen'kii perepolokh v bol'shom tramvae: mikrosotsiologicheskii analiz situatsii «ustupit'/ne ustupit' pozhilomu cheloveku mesto v obshchestven-nom transporte» [Little trouble in Big Tram: Microsociological Analysis of the Situation «to concede/not to concede a place to the elderly person in public transport»]. *Sotsiologiia vlasti [Sociology of power]*. (2): 65–103.